

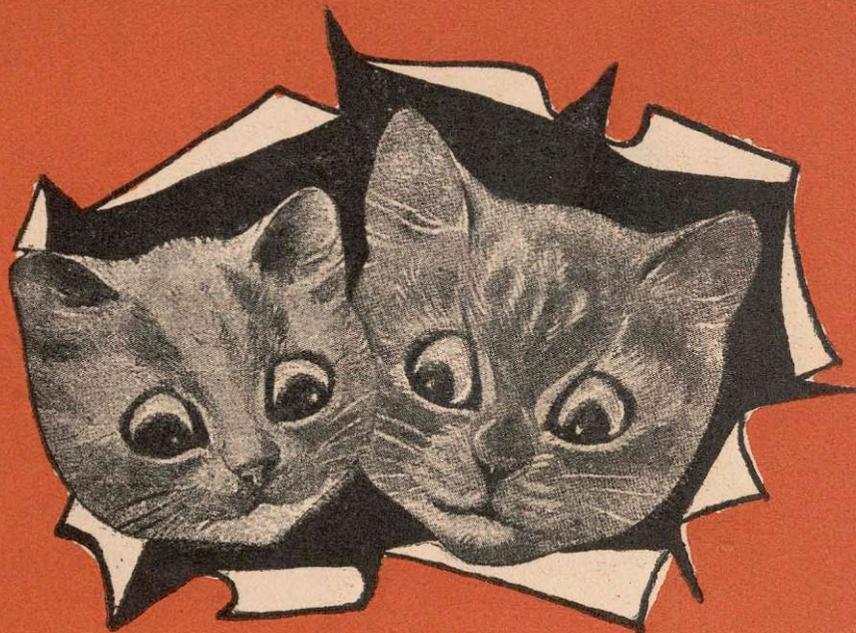
Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

Годъ изданія четвертый.

М А Й.

№ 14.

1911.



ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ЗАПИСКИ КРОТА.

НОЧЬЮ ВЪ ЛѢСУ.

ЧЬЯ-ТО ЧУЖАЯ.

ДѢТСТВО.

ТЕТЯ-ДОРА (повѣсть).

ГОЛОВОЛОМКИ и проч.

РЕБУСЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Пароходикъ для склеиванія.

Выкройка платья для дѣвочки.



Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

ЗАПИСКИ КРОТА.

Насъ всѣхъ было пятеро. Мы жили глубоко въ землѣ, въ тепломъ гнѣздѣ, устроенномъ нашей матерью и устланномъ сухими листьями и тоненькими прутиками, и всѣмъ намъ было уютно и тепло.

Конечно, въ нашей норкѣ было темно и ни одно живое существо не могло-бы разсмотрѣть въ ней ничего, но для насъ это было не важно, такъ какъ глазки у насъ, кротовъ, такъ малы, что ихъ трудно даже найти у насъ на мордочкахъ, и мы боимся дневного свѣта. Многіе неопытные люди даже считаютъ насъ ошибочно слѣпыми.

Но если мы плохо видимъ, зато

мы отлично слышимъ и у насъ такое обоняніе, что по запаху мы можемъ чують подь землей, какъ

ползетъ жукъ или червякъ за цѣлые шесть или семь аршинъ. Мы, маленькіе кроты, слышали, какъ возвращалась къ намъ наша мать съ охоты, за цѣлыя три сажени. И все это подь землей. Ни одно человеческое ухо не могло-бы различить, какъ она протискивалась сквозь землю, неся во рту червячка,



Зубки болятъ.

но мы слышали ее уже издалека, чуюли этого червяка и нетерпѣливо ее поджидали. А когда она входила къ намъ въ норку и мы чувствовали около себя ея мягкое теплое тѣло, покрытое чер-

нымъ блестящимъ мѣхомъ, похожимъ на шелковый плюшъ, то радовались ей, окружали ее со всѣхъ сторонъ и она разгрызала червяка на пять частей и давала каждому изъ насъ по кусочку. Кроты, кажется, единственные животные, которыя дѣлятъ добычу между дѣтьми поровну, какъ-бы мала она ни была.

У меня были два брата и двѣ сестры и всѣ мы росли такъ быстро, что черезъ двѣ недѣли едва могли уже помѣщаться въ нашей кругленькой норкѣ. Но это не смущало нашу мать, такъ какъ отъ нашей норки во всѣ стороны, какъ спицы въ колесѣ, шли ходы, которые впадали затѣмъ въ другой, круглый корридоръ, тоже похожій на колесо. Очень часто желая поразмяться, мы бѣгали по этимъ ходамъ и корридору, ловили другъ друга и играли въ прятки и наша мать поощряла насъ и подталкивала насъ своимъ твердымъ, длиннымъ, голымъ носомъ, похожимъ на рыльце у свиньи. Когда намъ исполнился мѣсяць, то мы могли уже отлично бѣгать. А затѣмъ насталь и достопамятный для меня день, когда я могъ выходить изъ норки уже одинъ. Я пошелъ по корридору и вдругъ уперся носомъ въ стѣнку. Далѣе хода уже не было. Я остановился, подумаль и понюхаль землю. Что-то подсказало мнѣ, что я долженъ рыть далѣе, а зачѣмъ рыть—я не знаю.

Ни минуты не теряя, я сталъ сверлить носомъ землю и разрывать ее своими передними лапами, голыми и похожими на руки у людей. Я и не ожидалъ, что для насъ, кротовъ, такъ легко рыться подъ землей. Мой тонкій, твердый носъ сверлилъ землю, какъ буравчикъ, лапы выгребали землю и рвали попадавшіеся корни деревьевъ и травъ, а мое гладкое, плюшевое тѣло такъ и вползало въ почву, съ такою легкостью, точно я былъ весь намазанъ масломъ. Когти на моихъ пальцахъ оказались такими крѣпкими, что не ломались даже и тогда, когда наталкивались на камни и стекла отъ бутылокъ. Я былъ такимъ сильнымъ, что если-бы былъ ростомъ со льва, то могъ-бы легко справиться одинъ съ шестью взрослыми львами. Говорять, что если-бы блоха была ростомъ съ человѣка, то она смогла при своей быстротѣ въ одинъ скачекъ перепрыгнуть черезъ Кавказскій хребетъ. Такъ и я: если-бы я былъ ростомъ съ человѣка, то однимъ ударомъ своей передней лапы я могъ-бы отвалить уголь отъ дома или отшвырнуть рояль, какъ мячикъ.

Итакъ, я сталъ рыть землю и рылъ ее бѣшено, ни на минуту не переставая, далеко отбрасывая назадъ то, что выкапываль. Вскорѣ я почувствовалъ, что выползаю на поверхность земли. Надо мной плотнымъ войлокомъ сплелись кор-

ни травы. Я сталъ рвать ихъ на части. На пути попался мнѣ большой камень. Я окопалъ его со всѣхъ сторонъ и выворотилъ въ сторону. Вдругъ что-то мягкое и скользкое подвернулось мнѣ подъ ность. Я почувствовалъ очаровательный запахъ, схватилъ это скользкое въ ротъ и съѣлъ. Это былъ мой первый червякъ, котораго я поймалъ самъ. Не могу выразить вамъ словами, какъ онъ былъ вкусенъ, и, это тѣмъ болѣе, что я сознавалъ теперь, что могу начать жить самостоятельно. Высунувшись на воздухъ, я понюхалъ его, но вылезти на поверхность земли побоялся и вернулся къ себѣ домой. Оказалось, что въ мое отсутствіе мои братья и сестры сдѣлали то-же, что и я. Съ тѣхъ поръ мы стали убѣгать изъ дѣтской каждый день и уже сами себѣ доставали ѣду. Въ такія прогулки мы прорыли подъ землей сотни другихъ ходовъ, стараясь держаться какъ можно ближе къ корнямъ травы, такъ какъ именно подъ ними жили наиболѣе жирные и вкусные червяки.

Мы кроты не только сильныя животныя, но и прозорливыя. Съѣвши восемь или десять большихъ червей или жуковъ, за одинъ разъ, я тотчасъ-же засыпаю, а затѣмъ просыпаюсь еще болѣе голоднымъ, чѣмъ заснулъ. Не поѣвши только шесть часовъ, я умираю съ голоду. Ни одно животное

на свѣтѣ не умираетъ такъ скоро отъ отсутствія пищи, какъ мы. Мы очень любимъ пить воду и если не добудемъ ея въ теченіи четырнадцати часовъ, то погибаетъ отъ жажды. Поэтому мать всегда прорываетъ изъ норки ходъ къ какому-нибудь подземному ручью или ключу, чтобы она и ея дѣти могли ходить на водопой. Пьемъ мы только по ночамъ. Если намъ не попадаютъ подъ землей ключи, то мы вырываемъ себѣ колодцы, въ которые набѣгаетъ вода отъ дождей, и пьемъ эту воду, пока она не изсякнетъ и не набѣжитъ откуда-нибудь вновь.

По мѣрѣ того, какъ я сталъ подрастать, я пересталъ довольствоваться одними червяками и жуками. Теперь уже я подлавливалъ маленькихъ лягушатъ и ѣлъ ихъ. Лѣтомъ, по ночамъ, я сталъ вылезать на поверхность земли и, притаившись подъ листомъ, выжидаль, когда прыгнетъ мнѣ къ самому носу неосторожный лягушонокъ. Въ такихъ случаяхъ я ударялъ по нему своей передней лапой, убивалъ его и тутъ-же съѣдалъ. Освоившись съ лягушатами, я сталъ ловить ящерицъ и маленькихъ мышей. Онѣ тоже очень вкусны. Впрочемъ, на пищу мы не прихотливы: когда намъ нечего ѣсть, то мы гложемъ даже корни деревьевъ.

Когда наступаетъ осень и хлѣбъ бываетъ уже свезенъ на риги, то

земледѣльцы ставятъ обыкновенно къ нашимъ норкамъ ловушки. Они ловятъ насъ и истребляютъ за то, что мы портимъ имъ поля, взрывая на нихъ кучки. Это очень съ ихъ стороны не хорошо. Они неблагодарны къ намъ. Если-бы они знали, какую массу мы истребля-

о возможной гибели и я былъ остороженъ. Я сталъ зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы меня не поймали и дѣйствительно, не попадался долго. Къ сожалѣнію, мои братья и сестра не были такъ осторожны и ихъ поймали. Съ нихъ содрали ихъ шелковыя шкурки и сшили



К р о т ъ.

емъ вредныхъ для ихъ посѣвовъ гусеницъ и червей, то они не уничтожали-бы насъ, а обращались-бы къ содѣйствию свиней. Стоитъ только проткнуть нашу кучку палочкой, всыпать въ дырочку три или четыре зернышка овса и позвать свинью, какъ она быстро раскопала-бы наши кучки и сравняла-бы ихъ съ поверхностью земли, чтобы найти эти зерна и съѣсть. Къ счастью, мать предупредила меня

изъ нихъ шапочку, которую продали какой-то дѣвчкѣ, какъ котиковую.

Настала зима. Теперь ужъ я былъ жиренъ и великъ. Я былъ теперь ростомъ больше мыши, но меньше крысы. Теперь ужъ я чуялъ далеко подъ землей и ни одинъ червякъ не могъ укрыться отъ моихъ острыхъ зубовъ. Мы не засыпаемъ на зиму, какъ многія другія подземныя животныя или какъ

напримѣръ бѣлки или даже медвѣди. Все время мы роемся подъ землей, добывая себѣ пищу, какъ бы долго ни лежалъ на ней снѣгъ и какъ-бы ни были сильны морозы.



Норка крота въ разрѣзѣ.

Въ началѣ Марта, когда снѣгъ сошелъ и стала пробиваться первая трава, я принялся за устройство своего собственного дома. Я устроилъ его такъ: въ срединѣ была круглая, какъ шаръ, нора, вокругъ которой были двѣ круглыя, какъ колеса, галлерей, помѣщенные одна надъ другой. Эти норы и галлерей были соединены между собою нѣсколькими ходами. Между ними былъ одинъ ходъ, потайной, устроенный мною нарочно на случай бѣгства, если-бы кто-нибудь вздумалъ на меня напасть. Мы боимся змѣй и хорьковъ и строимъ потайные ходы именно отъ нихъ.

Покончивъ съ устройствомъ до-

ма, я отправился въ сосѣдную нору, въ которой жила мадуазель-кротъ и съ которой я встрѣчался раньше уже нѣсколько разъ. Я присватался къ ней и попросилъ ее быть моею женою. Она согласилась. Тогда я пригласилъ ее послѣдовать за мною въ мое новое жилище. Какъ вдругъ появился какой-то другой незнакомый кротъ, который объявилъ, что тоже хочетъ на ней жениться. Моя невѣста посмотрѣла на меня и на него и сказала:—

— Подеритесь! Кто изъ васъ останется побѣдителемъ, за того я и выйду замужъ!

Я пригласилъ моего соперника къ себѣ, ввелъ его въ свое жилище и здѣсь мы стали драться не на жизнь, а на смерть. Онъ бѣгалъ у меня по корридорамъ, я гонялся за нимъ въ темнотѣ, прятался въ потайной ходъ, снова выскакивалъ изъ него, ударялъ лапами по своему врагу и съ остервенѣніемъ вонзалъ въ него мои острые зубы. Подъ конецъ онъ обезсилѣлъ и призналъ себя побѣжденнымъ. Я схватилъ его зубами за шею, поволокъ его къ своей невѣстѣ и положилъ его у ея ногъ. Тогда она послушно послѣдовала за мною и стала моею женою, а мой соперникъ со стыдомъ куда-то уползъ.

Послѣ этого мы принялись за устройство нашего гнѣзда, выстлали его сухими листьями, пру-

тиками и травой и стали поджидать, когда и у насъ появятся маленькія дѣтки.

Скоро ихъ родилось у насъ пять штукъ. Мы любили ихъ, кормили и баловали. Сначала мать кормила ихъ своимъ молокомъ, а затѣмъ, когда они научились ѣсть червей, то я оставилъ ихъ съ матерью од-

нихъ въ моемъ гнѣздѣ и ушелъ отъ нихъ навсегда.

Гдѣ всѣ они теперь,—я не знаю. Съ тѣхъ поръ я никого изъ нихъ не встрѣчалъ и ничего о нихъ не слыхалъ. Вѣроятно, выросли большіе и ведутъ теперь такую-же жизнь, какъ и я.

Кротъ Остроносъ.



НОЧЬЮ ВЪ ЛѢСУ.

Въ свѣжемъ воздухѣ ночномъ
Пахнетъ медомъ и травою.
Отъ тумана надъ водою
Потянуло холодкомъ.

Въ золотыхъ лучахъ луны
Звѣздъ раскинулись плеяды,
Точно яркія лампы,
Онѣ кѣмъ-то зажжены.

У рѣчныхъ спокойныхъ водъ
Шелеститъ чуть-чуть осока
И въ рѣкѣ, на днѣ, глубокого,
Рыбокъ мчитъя хороводъ.

Гдѣ-то крикнула сова,
Щука плещется лѣниво
И подъ легкимъ вѣтромъ ива
Покачнулась едва.

Смолкло все... Лишь у рѣки
Прокричатъ во снѣ лягушки...
И мерцаютъ у опушки
Изумруды-свѣтляки.

Е. Селунская.



ЧЬЯ-ТО ЧУЖАЯ.

Домъ, въ которомъ жили Поля и Ирина, былъ окруженъ съ одной стороны лугомъ и полями, а съ другой—лѣсомъ. Сада при домѣ не было, но зато на лугу, передъ домомъ, были насажены плодовые деревья, дававшія массу фруктовъ.

Когда они цвѣли весной, то весь этотъ лугъ отъ опавшихъ лепестковъ казался усыпаннымъ снѣгомъ или ватой. Между деревьями росло много цвѣтовъ, летали бабочки и жужжали пчелы и обѣ дѣвочки съ утра и до вечера

проводили на воздухѣ. Все имъ было знакомо. Онѣ знали, гдѣ растеть какой цвѣтокъ, какое яблоко должно къ вечеру созрѣть, и, кажется, даже знали наперечетъ всѣхъ птицъ, которыя прилетали къ нимъ на эти деревья и распѣвали свои пѣсни.

Зимою все кругомъ заносило снѣгомъ и бушевали вѣтры; но дѣтей въ эту пору въ усадьбѣ уже не было. Едва только наступала осень и спускались на землю холодные туманы, они уѣзжали съ отцомъ и съ матерью въ большомъ тарантасѣ въ городъ и тамъ проводили зиму. Въ усадьбѣ оставалась одна только бабушка, которая управляла хозяйствомъ, слѣдила за домомъ и за дворомъ и радовалась всякій разъ, когда возвращались весною дѣти. Радовались ей и дѣвочки: она была ихъ лучшимъ другомъ, часто зазывала ихъ къ себѣ въ комнату и показывала имъ что-нибудь интересное, или-же уходила съ ними въ садъ, подъ тѣнь яблони, и тамъ рассказывала имъ какую-нибудь исторію изъ стародавнихъ временъ. Несмотря на преклонные годы, она нерѣдко принимала съ ними далекія прогулки. По дорогѣ онѣ набирали букеты, или-же всѣ трое взбирались на высокую гору надъ рѣкой и тамъ въ густомъ орѣшникѣ отдыхали или-же собирали орѣхи.

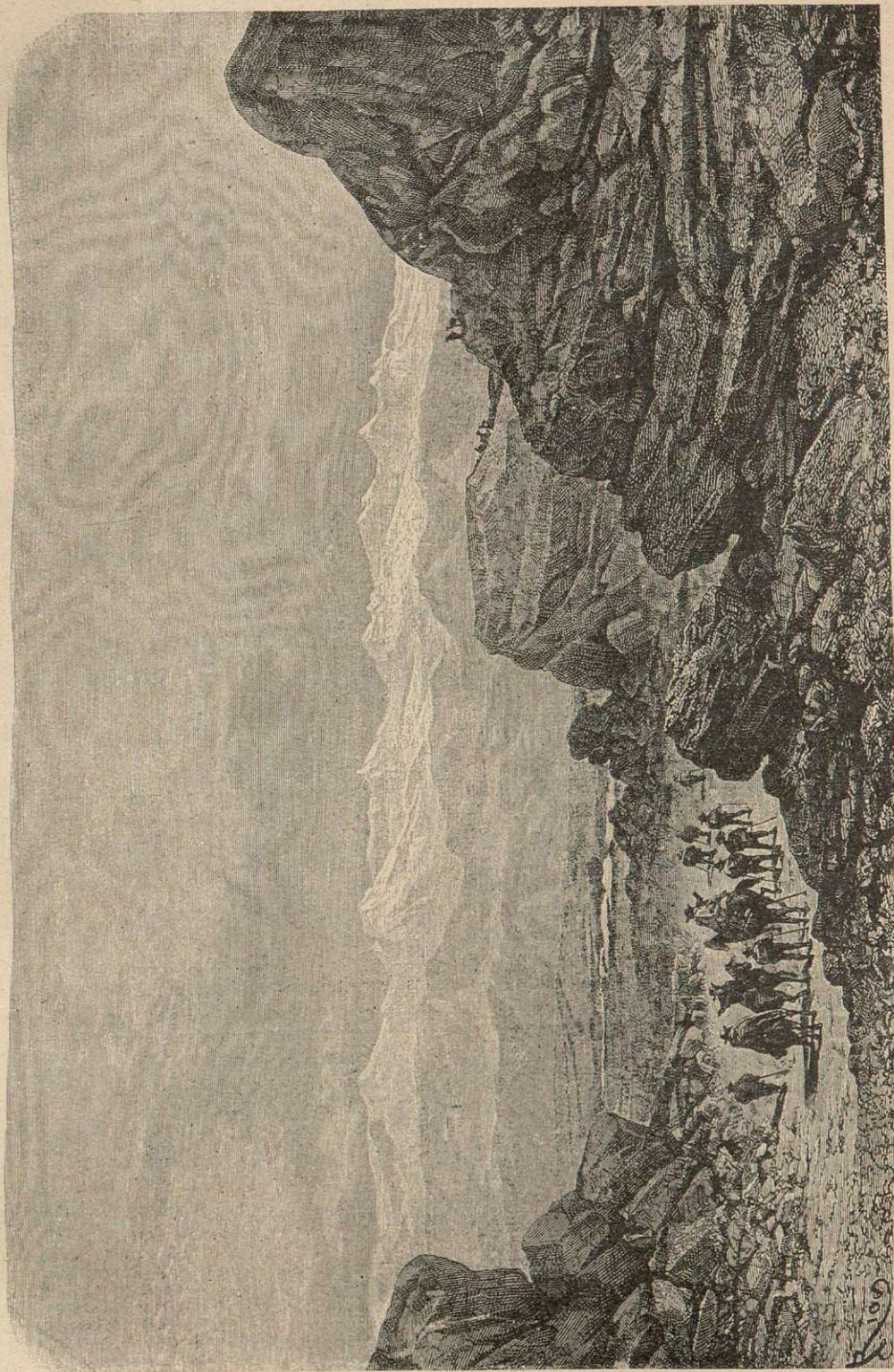
Въ одну изъ такихъ прогулокъ онѣ какъ-то долѣе обыкновеннаго

задержались на этой горѣ. Бабушка рассказывала дѣтямъ длинную исторію, которую никакъ не могла кончить, и когда дѣти вернулись къ вечеру домой, то ихъ ожидала новость. Въ ихъ отсутствіе родился ихъ братишка Сергѣй. Поля и Ирина отъ всей души обрадовались новому члену своей семьи. Онѣ качали его, пеленали, носили на рукахъ и никто и не замѣтилъ, какъ промелькнули два года и какъ мальчуганъ сталъ самъ ходить и лепетать первыя слова. Теперь уже вмѣстѣ съ бабушкой на орѣховую горку взбирался и онъ. Дѣвочки по прежнему бѣгали по ней, собирали орѣхи, а онъ лежалъ у бабушки на колѣняхъ и сладко спалъ. Когда онъ пробуждался, то бабушка вытаскивала изъ кармана бутылочку съ молокомъ, поила его и затѣмъ всѣ вмѣстѣ медленно возвращались домой.

Однажды онѣ сидѣли такъ на горкѣ и, полныя истомы отъ жаркаго дня, лѣниво смотрѣли на рѣку и на поля и на лѣса, уходившіе по ту сторону ея вдаль, какъ вдругъ раздвинулись вѣтви орѣшника и изъ нихъ вышла какая-то незнакомая смуглая дѣвочка. Она была немножко побольше Поли; руки и шея у нея были голы; одѣта она была въ старенькое зеленое платьице, когда-то отдѣланное красненькими ленточками. При видѣ старушки и незнакомыхъ дѣвочекъ она робко остановилась въ

Швейцарцы переплываютъ въ бурю черезъ Цюрихское озеро.





Горная цѣпь Кордильеры въ Южной Америкѣ

орѣшникѣ съ любопытствомъ стала ихъ разсматривать.

— Кто ты такая? обратилась къ ней бабушка.

Дѣвочка не отвѣтила, снова юркнула въ кусты и уже больше не выходила. Бабушка и дѣти скоро ушли домой.

Когда они пришли на горку на слѣдующій день, то смуглая дѣвочка снова выѣзла изъ кустовъ и снова стала съ любопытствомъ разглядывать бабушку и дѣтей.

— Кто ты? спросила ее бабушка. — Откуда ты тутъ взялась?

На этотъ разъ дѣвочка уже не убѣжала, а молча, по прежнему не отвѣтивъ ничего, простояла въ кустахъ до тѣхъ поръ, пока дѣти не собрались и не ушли къ себѣ домой.

— Какая странная!.. замѣтила по дорогѣ Ирина. — Ее спрашиваютъ, а она молчитъ.

— Навѣрное, она изъ какой-нибудь сосѣдней деревни, сказала Поля.

Бабушка остановилась, передохнула отъ усталости и сказала.

— Нѣтъ, это чья-нибудь чужая...

И онѣ мирно возвратились домой.

Съ этихъ поръ, всякій разъ какъ онѣ приходили на горку, изъ за кустовъ неизмѣнно стала выходить къ нимъ смуглая дѣвочка. Когда бабушка начинала свой рассказъ, она не отрывала отъ нея своихъ глазъ и, широко раскрывъ

отъ удивленія ротъ, слушала его и не говорила ни слова. Если теперь бабушка прерывала свой рассказъ и заговаривала съ ней, то она уже не дичилась ея, а улыбалась во все лицо, показывая превосходные бѣлые зубы, и черные глазенки ея ярко свѣтились.

— Чего-же ты молчишь? обращалась къ ней бабушка. — Говори-же!

Но она только улыбалась и молчала.

И когда бабушка снова принималась за свой рассказъ, то она садилась на траву, подпирала голову смуглой рукой и по выраженію ея лица было замѣтно, что она слушала съ увлеченіемъ и отлично понимала то, о чемъ говорила бабушка. Встрѣчи съ нею стали такъ часты, что, отправляясь на горку, дѣти уже захватывали съ собой лакомствъ и какихъ-нибудь старыхъ, поломанныхъ игрушекъ и клали ихъ передъ нею на траву. Она брала ихъ и быстро прятала къ себѣ въ карманъ.

Такъ шли дни за днями.

Наступила осень, пожелтѣли деревья, покраснѣли осинки и высоко на небѣ стали раздаваться крики улетающихъ въ теплыя края птицъ и грустные курныканья журавлей. Шли дожди и во всей природѣ стало такъ грустно и уныло, что хотѣлось тосковать или же летѣть вмѣстѣ съ журавлями куда-нибудь далеко-далеко, гдѣ

теперь пышно разцвѣтаетъ весна и гдѣ все зелено и покрыто пышными, душистыми цвѣтами. Но и среди этихъ дождливыхъ непривѣтливыхъ дней выдался одинъ необыкновенно яркій, даже жаркій, совершенно лѣтній день. Воспользовавшись имъ, папа и мама на двое сутокъ уѣхали въ городъ, все въ домѣ затихло и, чтобы чѣмъ-нибудь развлечь дѣтей, бабушка повела ихъ далеко гулять. Часъ спустя, они снова уже сидѣли на знакомой горкѣ, бабушка по прежнему рассказывала имъ сказки о рыцаряхъ и о графинѣ, которую кто-то посадилъ въ тюрьму, и смуглая дѣвочка опять сидѣла тутъ же и, подперши подбородочекъ кулачкомъ, мечтательно глядѣла въ пространство и старалась не проронить ни одного слова изъ бабушкиной сказки.

— Да чья-же ты наконецъ? обратилась къ ней бабушка.

Она вспыхнула, опустила глаза и губы ея задрожали.

— Ничья... тихонько отвѣтила она.

— Какъ ничья? продолжала бабушка.—Вѣдь живешь-же ты гдѣ-нибудь? Питаешься-же ты чѣмъ-нибудь?

Она подняла на бабушку большіе, лучистые глаза.

— Въ прошломъ году меня здѣсь бросили цыгане, довѣрчиво отвѣтила она.—Я собираю хворостъ, пасу овецъ и стерегу гусей... Мнѣ

на деревнѣ за это даютъ ѣсть...

— Какъ-же тебя зовутъ?

— Анна...

Заходила туча. Непрочный, осенній ясный день вдругъ сразу смѣнился непогодой. Рѣзкій вѣтеръ пронесся надъ горкой и зашумѣлъ въ пожелтѣвшей листьѣ деревьевъ. Масса листьевъ сорвалась съ нихъ и закружилась въ воздухѣ, точно бабочки. Брызнули первыя капли дождя.

— Пойдемте, дѣти! сказала бабушка.

Дѣти поднялись. Покряхтывая, бабушка размяла затекшія ноги и, взявши маленькаго Сергѣя за ручку, стала спускаться съ нимъ съ горы. Дѣвочки послѣдовали за нею.

— Пойдемъ и ты! обратилась старушка къ Аннѣ.

Капли дождя посыпались чаще и крупнѣе. Вѣтеръ снова пронесся съ такою силой, что деревья застонали, съ нѣкоторыхъ изъ нихъ отломились сухіе сучья и цѣлыя вѣтви и далеко отлетѣли въ сторону. Затѣмъ дождь полилъ, какъ изъ ведра.

— Скорѣй! Скорѣй! закричала бабушка и схватила Сережу на руки.

Испуганныя дѣвочки прижались къ ней и мѣшали ей идти. Въ одинъ какой-нибудь моментъ все промокли до костей, рѣзкій, холодный вѣтеръ пробѣгалъ мимо нихъ взадъ и впередъ и пронизывалъ

ихъ насквозь. Оглядѣвшись по сторонамъ, бабушка замѣтила не вдалекѣ елку, схватила Ирину свободной рукой и потащила ее и Сережу туда. Поля въ испугѣ бѣжала за ними позади. Добравшись до елки, бабушка спустила на землю дѣтей и сунула ихъ подъ ея вѣтви. Здѣсь было сравнительно сухо и уютно. Она подлѣзла подъ вѣтви и сама, прижала къ себѣ дѣтей и такъ стала пережидать съ ними, когда пройдетъ дождь и можно будетъ отправиться домой.

Успокоившись, она стала искать глазами смуглую дѣвочку. Но ея и слѣдъ простылъ. Она куда-то убѣжала.

— Анна, Анна! закричали ей дѣти.—Иди сюда!

Но она не отзывалась. Ясно было, что она убѣжала куда-то далеко.

А дождь все лилъ и лилъ, не прекращаясь ни на одну минуту. Теперь уже и подъ елкой стало сыро. Дѣти озябли, дрожали и просились домой. Бабушка и сама рада была бы поскорѣе быть дома, но теперь дѣло еще больше осложнилось и она не знала, какъ ей быть. Внизу, подъ горкой, протекалъ ручей, черезъ который, идя на горку, онѣ всякій разъ перескакивали, такъ какъ онъ былъ незначителенъ и неглубокъ. Теперь это былъ уже цѣлый потокъ. Онъ съ ревомъ рвался теперь впередъ и уносилъ съ собою все, попадавшееся ему

на пути: вѣтви, бревна и даже цѣлые куски дерна, оторваннаго водою отъ береговъ. Бабушка вылѣзла изъ-подъ елки, стояла теперь у этого потока и грустно и безнадежно качала головой. Онъ ревелъ подъ нею и мчалъ свои мутныя воды куда-то далеко. Дождь стегалъ ее по лицу и трудно было теперь угадать, когда всему будетъ конецъ.

— Бабушка, бабушка! кричали ей дѣти изъ-подъ елки.—Иди къ намъ! Мы боимся одни безъ тебя!

А бабушка въ отчаяніи смотрѣла по сторонамъ и качала головой.

— Бѣда, бѣда! шептала она.— Скоро вечеръ, а дома никого изъ старшихъ нѣтъ... Хватятся-ли насъ? Пришлютъ-ли за нами хоть какого-нибудь мужика?

И въ тотъ самый моментъ, какъ она стояла такъ и не знала, на что рѣшиться, по ту сторону ручья, послышался вдругъ топотъ лошади и раздался звукъ колесъ.

— Сюда, сюда!.. говорилъ чей-то дѣтскій голосъ.— Онѣ тамъ, наверху, подъ елкой!

И изъ-за кустовъ выѣхалъ тарантасъ и бабушка увидала на немъ кучера Данилу и рядомъ съ нимъ, на облучкѣ, смуглую дѣвочку, на которой не было сухой нитки и которая дрожала отъ завернушаго холода такъ, что у нея стучали зубы. Она уже успѣла сбѣгать въ усадьбу за лошадыю и разсказать тамъ все.

— Заѣзжай сюда! крикнула Данилъ бабушка и пошла къ дѣтямъ.

Тарантасъ съ трудомъ переѣхалъ черезъ ручей, поднялся въ горку и остановился около елки. Изъ-подъ сидѣнья Данила досталъ сухую одежду и одѣлъ въ нее дѣтей. Затѣмъ всѣ усѣлись въ тарантасъ и двинулись въ путь.

— Ну, слава Богу! съ облегченіемъ вздохнула бабушка и перекрестилась. — Хоть одна нашлась живая душа, которая подумала о насъ! Но гдѣ-же эта душа?

Бабушка оглядѣлась по сторонамъ, чтобы приласкать чужую дѣвочку, взять ее съ собой, накормить ее и обогрѣть, но она исчезла такъ-же незамѣтно, какъ и въ тотъ разъ, когда побѣжала въ усадьбу за лошадьми.

— Анна! Анна! закричала ей бабушка. — Гдѣ ты? Иди сюда!

— Анна, Анюта! закричали ей и дѣти.

Но она не отзывалась.

Они подождали ее еще немного и затѣмъ поѣхали домой.

— Далекъ отсюда деревня? спросила бабушка Данилу.

— Версты три будетъ, отвѣтилъ мужикъ, — а то пожалуй и четыре!

И бабушкѣ было грустно, что бездомная дѣвочка должна была еще туда идти, чтобы обогрѣться и поѣсть, если ей это изъ милости позволятъ или кинуть ей кусочекъ хлѣба.

— Бѣда, бѣда! проговорила она съ глубокимъ вздохомъ. — И куда только дѣваться такимъ дѣтямъ отъ нищеты? Кто она? Откуда она тутъ взялась? Кто ее мать и отецъ?

Черезъ полчаса онѣ приѣхали домой. Бабушка раздѣла дѣтей, напоила ихъ горячимъ чаемъ и уложила всѣхъ въ постель. Они почувствовали скоро, какъ приятное тепло стало разливаться по ихъ тѣлу, посмѣялись, поговорили и заснули крѣпкимъ сномъ.

А чужая дѣвочка въ это время сидѣла въ крестьянскомъ сараѣ, ѣла черный хлѣбъ и запивала водой. Поужинавъ такимъ образомъ, она легла на сѣно, свернулась калачикомъ и тоже заснула крѣп-



Папа вель ее за руку (стр. 434).

кимъ сномъ. Стучалъ дождь по крышѣ, бѣгали въ сараѣ мыши, но она этого не замѣчала и была довольна, что нашла себѣ уголокъ.

Затѣмъ неожиданно завернули

холода. До отъѣзда въ городъ оставалось еще около мѣсяца, но во всемъ домѣ стало вдругъ такъ холодно и сыро, что какъ-то невольно приходила на умъ городская квартира, въ которой всегда было тепло и на которую вовсе не вліяли никакія перемѣны погоды. Дѣти все время ежились, хныкали, а когда ложились спать, то ихъ постельки были такія холодныя и сырыя, что, ложась въ нихъ, они долго не могли согрѣться и укутывались съ головой.

— Топите почаще печи! приказалъ отецъ.

Данила и горничная Мавруша стали приносить дрова цѣлыми охабками, во всѣхъ комнатахъ затрещалъ огонь, печи накаливались такъ, что до нихъ больно было дотронуться, но въ домѣ было холодно, такъ какъ двойныя рамы вставлены не были и рѣзкій, воюющій вѣтеръ выдувалъ изъ комнатъ все тепло.

— Ну, осень! побрякивалъ Данила.—Вотъ такъ холода! Точно зимой!

И чѣмъ въ домѣ и на улицѣ было холоднѣе, тѣмъ больше и больше дровъ сжигалось въ печахъ и кончилось дѣло тѣмъ, что одна изъ нихъ не выдержала, разсѣлась по швамъ и дала трещины отъ пола до потолка.

— Какъ-бы чего не случилось, охала бабушка.—Долго-ли до бѣды?

Но печь эту продолжали топить,

она сначала дымила, а потомъ, когда разгоралась, то дымъ прекращался и она топилась, какъ и другія.

— Надо-бы сходить за печникомъ, говорилъ отецъ.

— Чего ужъ тутъ? возражала Мавруша.—Онъ не столько починетъ, сколько насоритъ. Все равно скоро въ городъ уѣдемъ!

Однажды вечеромъ, когда папа куда-то уѣхалъ, дѣти сидѣли съ мамой въ комнатѣ одни и разговаривали о томъ, какъ они поѣдутъ въ городъ. Бабушка лежала у себя въ комнатѣ и грѣла озябшія ноги. Какъ вдругъ Иринѣ показалось, будто-бы пахнетъ дымомъ. Дѣти вскочили, осмотрѣли весь домъ, но все оказалось благополучнымъ. Они успокоились и снова усѣлись около матери и стали мечтать. Вдругъ со двора раздался крикъ. Дѣти вздрогнули, подбѣжали къ окну и увидѣли, что откуда-то сверху валитъ густой дымъ. Вслѣдъ затѣмъ показались языки пламени и весь чердакъ запылалъ на домѣ, какъ свѣча. Слуги—мужчины и женщины—сновали взадъ и впередъ по двору безъ толку, размахивали руками и кричали. А пламя все шире и ниже захватывало домъ.

Дѣти взвизгнули и въ ужасѣ заметались изъ стѣны въ стѣну. У мамы отъ страха похолодѣло подъ сердцемъ.

— Скорѣе ко мнѣ всѣ! крик-

нула она дѣтямъ. — Идите всѣ за мной!

Она быстро отперла письменный столъ, вынула оттуда шкатулку и документы, Поля и Ирина схватили первое, что попало имъ подъ-руку, и всѣ втроемъ выскочили черезъ парадную дверь на дворъ. Набросивъ на себя пальтишки, онѣ стояли передъ домою и дрожали и сами не понимали, отчего онѣ дрожали, отъ холода или отъ страха.

Передъ ними, какъ костеръ, пылалъ ихъ домъ, слышались трескъ горѣвшихъ бревенъ и шипѣнье огня и крики суетившихся людей. Чтобы спасти дѣтей отъ летавшихъ по воздуху искръ и горящихъ головешекъ, мать увела ихъ въ самую дальнюю бесѣдку, велѣла имъ сидѣть смирно и беречь шкатулку, а сама побѣжала опять на дворъ и распорядилась, чтобы люди вывели изъ загорѣвшагося уже и скотнаго двора лошадей и коровъ и чтобы спустили съ цѣпи собаку и перетащили экипажи въ безопасное мѣсто. Пока она распоряжалась, дѣти не усидѣли въ бесѣдкѣ одни и отправились ее искать. Найдя ее посрединѣ двора, они бросились къ ней и слезы такъ и заструились у нихъ изъ глазъ.

— Намъ страшно, мамочка, лепетали они. — Мы боимся одни.

Она поглядѣла на нихъ, хотѣла имъ что-то сказать, но вдругъ

вздрыгнула и лицо ея исказилось ужасомъ.

— А гдѣ нашъ Сергѣй? спросила она.

— Онъ съ бабушкой, отвѣтили дѣвочки въ одинъ голосъ.

— А гдѣ бабушка?

— Вонъ она, стоитъ рядомъ съ Маврушей.

Мать пришла въ ужасъ. Около бабушки Сергѣя не было.

— Сережа съ тобою? спросила она старушку, подбѣжавъ къ ней и еле имѣя силу говорить.

— А развѣ онъ не съ тобою? спросила бабушка.

— Нѣтъ. Его здѣсь нѣтъ.

— Я слышала его голосъ, когда ты выходила изъ дома съ дѣтьми. — Я думала, что онъ при тебѣ.

— Боже мой! всплеснула руками мать. — Значитъ, онъ остался въ домѣ... Онъ можетъ задохнуться въ дыму... На него можетъ обрушиться пылающій потолокъ!

Она побѣжала къ дому. Но здѣсь у крыльца лежала куча горящихъ балокъ и проникнуть въ домъ уже было нельзя.

— Растащите поскорѣ эти бревна! крикнула она мужикамъ. — Сережа остался въ домѣ!

Мужики нерѣшительно подошли къ бревнамъ, но разобрать ихъ оказалось уже невозможнымъ.

— Тогда лѣстницу!.. закричала она. — Давайте сюдалѣстницу! Надо пробраться въ домъ черезъ это окно!

Но лѣстницы были окружены огнемъ и достать ихъ оттуда, гдѣ онѣ находились, теперь было уже нельзя. Тогда она съ поднятыми кверху руками упала на колѣни и зарыдала:

— Господи, сказала она, — спаси его! Ты непустишь, чтобы

бросилась къ горѣвшему дому, стала карабкаться, какъ бѣлка, по его стѣнѣ и скоро исчезла въ его открытомъ окнѣ. Всѣ затаили дыханіе и стали ждать.

Минуты черезъ три, показав-



Л ѣ т о.

шіяся всѣмъ цѣлой вѣчностью, изъ окна повалилъ вдругъ темный дымъ и въ немъ показалась смуглая дѣвочка съ маленькимъ мальчикомъ на рукахъ.

невинное дитя погибло въ огнѣ!

Въ этотъ моментъ кто-то пронзительно вдругъ крикнулъ:

— Смотрите! Смотрите!

И вслѣдъ за этимъ какая-то темная фигурка выскочила изъ толпы,

Изъ всѣхъ грудей вырвался радостный крикъ удивленія. Смуглая дѣвочка вылезла изъ окна, крѣпко встала ногою на перекладину и быстро соскочила вмѣстѣ съ мальчикомъ на землю.

— Ай, да дѣвочка! слышались голоса.— Вотъ такъ молодчина!

— Чья это?—спрашивали одни.

— Не знаемъ... отвѣчали другіе.— Чья-то чужая!

Очувившись на землѣ, дѣвочка стала передъ мальчикомъ на колѣни и долго смотрѣла на него блестящими отъ радости глазами.

— Анна! Анна! закричали ей дѣвочки и бабушка.— Аюта, гдѣ ты? Отзовись!

Но она была уже далеко. Она скрылась прежде, чѣмъ ее успѣли поблагодарить.

Пожаръ окончился только къ полуночи. Отъ усадьбы не осталось и слѣда. Въ эту ночь дѣтей



О в е ч к и.

Но у мальчика кружилась отъ дыма голова и онъ дико озирался по сторонамъ и ничего не понималъ. Къ нему подскочила его мать, схватила его на руки, побѣжала съ нимъ къ колодцу и стала освѣжать ему головку. И никто въ суматохѣ и не замѣтилъ, какъ смугленькая Анна вбѣжала въ толпу, смѣшалась съ нею и вскорѣ совершенно исчезла изъ вида.

уложили спать въ теплицѣ и они провели ее на голыхъ доскахъ. На слѣдующее утро возвратился отецъ. Онъ былъ блѣденъ и говорилъ, что разорень, но благодарилъ Бога за то, что нашелъ близкихъ его сердцу людей здоровыми и невредимыми, и отъ радости не зналъ, какъ еще крѣпче прижать къ себѣ своего Сергѣя, жену и дочерей.

Въ тотъ-же вечеръ всѣ они уѣха-

ли въ городъ, такъ и не повидавшись болѣе съ Анной и не поблагодаривъ ее за спасеніе Сережи. Имъ негдѣ было ночевать.

Наступила затѣмъ зима, дѣвочки пошли учиться въ школу и жизнь въ городѣ пошла своимъ чередомъ. Вспоминали о лѣтѣ, о смуглой дѣвочкѣ, о пожарѣ и все это казалось такимъ далекимъ, точно случилось когда-то уже давно-давно. Папа затѣялъ постройку въ усадьбѣ новаго дома, сталъ часто уѣзжать туда изъ города, чтобы распорядиться закупкой бревенъ и досокъ, и дѣти не видали его по цѣлымъ недѣлямъ.

Однажды ночью папа вернулся неожиданно около одиннадцати часовъ. Дѣти уже спали, бабушка охала у себя въ комнатѣ, а мама сидѣла въ столовой и шила платье для Ирины. Какъ вдругъ неожиданно раздался звонокъ. Прислуга пошла внизъ со свѣчей отворить, впустила папу и онъ вошелъ въ громадной шубѣ и въ теплыхъ калошахъ. Рядомъ съ нимъ плелась маленькая дѣвочка, укутанная въ теплый старыи платокъ и ставшая отъ этого похожей на узелъ. Папа велъ ее за руку. Когда они поднялись навѣрхъ и раздѣлись, то выбѣжавшая къ нимъ навстрѣчу мама узнала въ дѣвочкѣ Анну.

— Гдѣ ты ее нашель? первымъ дѣломъ спросила она у мужа.

Онъ отеръ съ мороза бороду и усы, поцѣловалъ ее и отвѣтилъ:

— Ъхалъ на станцію изъ усадьбы и нашель ее на дорогѣ.— „Куда ты идешь?“ спросилъ я ее. А она мнѣ и отвѣтила:— „Не знаю“.— „Чья ты теперь?“— „Ничья“. Тогда я ее усадилъ съ собою въ сани и вотъ привезъ ее сюда!

Мама подошла къ ней, провела рукою у нея по волосамъ и, взявъ ее за подбородокъ, подняла ее голову къ себѣ.

— Оставайся у насъ совсѣмъ, сказала она.— Мы замѣнимъ тебѣ мать и отца и будемъ смотрѣть на тебя, какъ на родную дочь!

Дѣвочка разрыдалась, потомъ поцѣловала край ея платья и долго не рѣшалась поступить такъ, какъ того требовала ея душа. Но подъ конецъ она не выдержала, бросилась къ мамѣ на шею и стала ее горячо цѣловать.

Вышла на шумъ бабушка, увидала дѣвочку, узнала ее и улыбнулась во все лицо.

— Ну, вотъ и хорошо! сказала она.— Вотъ и прекрасно, что теперь ты будешь у насъ. Я буду тебя учить читать...

Анна не вѣрила своимъ ушамъ.

Затѣмъ ее накормили, раздѣли, умыли и уложили спать въ комнатѣ у бабушки на сундукѣ.

А когда на другой день проснулись дѣти и вбѣжали въ комнату къ бабушкѣ, чтобы пожелать ей

добраго утра, то удивленію ихъ ленькую, въ одной рубашенкѣ, по-
не было границъ. Они схватили тащили ее къ себѣ...
смуглую дѣвочку за руку и, го-

М. Б.



ДѢТСТВО.

Въ золотое дѣтство
Годы беззаботны,
Жизнь—сплошная радость,
Слезы—мимолетны.

Утромъ, чуть проснешься,
Няня дверь откроетъ,
Ласковой рукою
Личико умоетъ;

Мама поцѣлуетъ,
Папа приласкаетъ—
И отъ ихъ привѣта
Сердце такъ и таетъ.

Цѣлый день по саду
Бѣгаешь, рѣзвишься,
Подъ конецъ устанешь,
Сильно утомишься!

Глазки сладко-сладко
Смотрятъ на подушку,
Чуть прилежъ—и спишь ужъ,
Снятся лишь игрушки...

Дорогіе годы,
Годы малолѣтства,
Время золотое—
Золотое дѣтство!

С. Ф.



ТЕТЯ—ДОРА.

Повѣсть.

(Продолженіе).

Послѣ завтрака и почти до са-
мага вечера гостя устраивалась у
себя въ комнатѣ, разбираала свои
вещи, укладывала ихъ въ комодъ
и когда вышла опять въ столовую,
то маленькая Ниночка съ радост-
нымъ видомъ бросилась къ ней и
повисла у нея на шеѣ. Надя все
посмѣивалась исподтишка, а Лиля
хмурилась и дичилась. Такъ какъ
поздно завтракали, то и обѣдать

пришлось поздно и вышло такъ,
точно ужинали. Послѣ обѣда ма-
ма взяла шитье и усѣлась за ра-
бочій столикъ, тетя-Дора придви-
нула къ ней камышевое кресло,
сѣла въ него и между ними на-
чался разговоръ. Тетя стала раз-
сказывать ей о югѣ, о морѣ, о
своемъ одинокомъ житьѣ-бытьѣ и
разсказывала такъ красиво и такъ
задушевно, что Надя не утерпѣла,

подошла къ ней и тоже стала ее слушать. Она любила, когда большіе рассказывали о какихъ-либо приключеніяхъ или о далекихъ краяхъ. И по мѣрѣ того, какъ развертывался рассказъ тети-Доры, какъ она приводила все новые и новые случаи изъ жизни на далекомъ Югѣ, у моря, Надѣ казалось, что тетя совсѣмъ не такая, какою кажется въ своихъ очкахъ,



Ниночка повисла у нея на шеѣ.

что она безгранично добра и что если-бы не эти ея противныя очки, то она бросилась къ ней на шею и стала-бы крѣпко ее цѣловать. И прижавшись къ ея плечу, она слушала и старалась не проронить ни слова изъ ея рассказа и ея тетѣ нравились эти ея доврчивость и простота души. Лиля сидѣла въ сторонѣ, дѣлала видъ что читаетъ книгу, но тоже прислушивалась къ словамъ тети, а маленькая Ниночка уже спала.

Пробило десять часовъ.

— Ну, дѣвочки, идите спать, сказала Варвара Михайловна.

Лиля тотчасъ-же поднялась, сухо и дѣловито простилась съ матерью и тетей, и вышла, а Надя помялась, ей очень не хотѣлось уходить, и понадобилось повторить приказаніе.

— Мамочка, стала она умолять, —позволь хоть еще съ четверть часика послушать тетю! Хоть еще одну страничку!

Тетя-Дора ласково улыбнулась, притянула ее къ себѣ, обняла и поцѣловала.

— Иди, дѣточка, сказала она. — Я рассказала уже все!

Когда дѣти улеглись спать и Варвара Михайловна съ тетей-Дорой остались вдвоемъ, то у нихъ долго еще продолжался разговоръ. Онѣ обѣ, какъ-то сразу, почувствовали расположеніе другъ къ другѣ. Что-то странное, неуловимое, влекло ихъ одну къ другой. Тетѣ-Дорѣ нравились въ Варварѣ Михайловнѣ ея семейственность, способность повсюду въ хозяйствѣ все дѣлать самой и всюду успѣвать, ея любовь къ дѣтямъ, ея искренній тонъ и ласка къ незнакомому, почти чужому, для нея человѣку, а Варварѣ Михайловнѣ нравилось, что ея кузина была бѣдна и скромна и что такъ мило и просто стала держать себя съ первой-же минуты своего появленія въ ихъ жилищѣ и съ нею самой и съ ея дочерьми.

„Какъ хорошо, что она небо-

гата“, думала она.—„Не придется при ней стѣсняться и скрывать свои недостатки. Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады... Кажется, у нея очень добрая душа“.

И въ ея головѣ тотчасъ-же созрѣлъ планъ, какъ она постарается скопить сколько нибудь денегъ, чтобы купить для своей кухни башмаки и на платье, и подъ благовиднымъ предлогомъ предложить ихъ ей въ подарокъ. Но какъ это сдѣлать, чтобы не обидѣть въ ней ея самолюбіе? Впрочемъ, будущее покажетъ!

На слѣдующее утро, пока Варвара Михайловна была еще въ постели, тетя-Дора сидѣла уже въ столовой и съ увлеченіемъ кормила дѣтей. Она наливала имъ молока, намазывала булку масломъ и положительно насильно заставляла ихъ ѣсть и пить.

— Ну, скушай еще кусочекъ! полу-шутливо, полу-серьезно приставала она къ Ниночкѣ.

— Нѣтъ, тетя, я уже сыта, не хочу, отвѣчала дѣвочка.

— Ну, пожалуйста!

— Да нѣтъ, я не могу больше!

— А ты попробуй!

И тетя дѣлала видъ, что хочетъ насильно втиснуть Ниночкѣ въ ротъ кусокъ, Надя и Ниночка ѣли и весело и звонко смѣялись, Лиля по прежнему серьезничала и сидѣла въ сторонѣ. А когда вслѣдъ затѣмъ вышла въ столовую и Варвара Михайловна, то она уви-

дала интересную картину: Ниночка сидѣла у тети на плечѣ, а Надя спереди схватила ее за руки и обѣ онѣ теребили ее во все стороны и не давала ей возмож-



Прижавшись къ ея плечу, она слушала и старалась не проронить ни слова.

ности взять изо рта надкусанный бутербродъ и положить его на столъ. Такъ тетя и оставалась съ бутербродомъ въ зубахъ.

— Надя! Нина! строго крикнула на дѣвочекъ Варвара Михайловна, увидавъ эту сцену.

Но для нея самой теперь было ясно, что между тетей-Дорой и ея младшими племянницами началась уже дружба, въ которой могло дозволяться все. И завидѣвъ Лилю, сидѣвшую букой въ сторонѣ, она подошла къ ней и ласково спросила:—

— Лиля, почему ты здѣсь въ сторонѣ?

— Такъ... отвѣтила Лиля, не поднимая глазъ.

— Иди пить молоко!

— Я уже пила!

И взявши книгу, Лиля молча вышла изъ столовой въ дѣтскую.

Послѣ завтрака Варвара Михайловна и тетя-Дора отправились осматривать Петербургъ. Онѣ возвратились поздно, усталыя, когда дѣти уже пообѣдали одни и сидѣли у себя въ дѣтской и вырѣзали картинки. Заслышавъ ихъ звонокъ, Надя и Ниночка бросились съ визгомъ къ нимъ навстрѣчу. Едва давъ имъ раздѣться и привести себя въ порядокъ, Ниночка бросилась къ тетѣ Дорѣ на шею и засыпала ее вопросами. Взявъ ее на руки, тетя весело прошла съ нею въ гостинную и опустилась на диванъ.

— Уфъ! сказала она. Вотъ устала-то!

Подошла мама, тоже усѣлась на диванъ рядомъ съ тетей и видно было, что и она тоже еле держалась отъ усталости на ногахъ.

— Весь Питеръ псходили! вздохнула она.

Надя и Нина тоже взобрались съ ногами на диванъ и стали тискать маму и тетю со всѣхъ сторонъ. Тетя шуточно стала отбиваться отъ нихъ, поднялись шумъ и визгъ и при первомъ-же взглядѣ на эту всеобщую возню можно было догадаться, что между членами этой семьи установилась прочная дружба, полная довѣрія и безкорыстныхъ отношеній.

— Ну, а теперь дайте намъ поѣсть! сказала мама и позвонила горничной.

Пока дѣвушка накрывала на столъ, мама вышла къ себѣ въ спальню, а дѣвочки воспользовались ея отсутствіемъ и бросились съ обѣихъ сторонъ къ теткѣ Дорѣ.

— Тетя, милая, сказала Надя, — останься у насъ совсѣмъ! Мама говоритъ, что ты приѣхала къ намъ на одну только недѣлю. Не уѣзжай!

Казалось, эти слова тронули тетю-Дору за самое сердце. Она вспыхнула, засмѣялась, какъ будто бы хотѣла заплакать, но овладѣла собой и порывисто схватила обѣихъ дѣвочекъ и крѣпко прижала ихъ къ себѣ.

— Милыя! прошептала она. — Милыя! Хорошія мои! Какія вы добрыя!

Дѣвочки не поняли этого ея порыва, но почували его и даже стали къ ней ласкаться.

Затѣмъ вышла мама и пригласила тетю обѣдать.

Послѣ обѣда тетя ушла къ себѣ. Надѣ захотѣлось проститься съ нею еще и во второй разъ и она тихонько, на цыпочкахъ, послѣдовала за ней. Былъ уже вечеръ, огня не зажигали и въ окна заглядывали блѣдныя сумерки сѣверной весны. Слышалось, какъ на улицѣ проѣзжали экипажи и какъ звонилъ и гудѣлъ трамвай. На противоположной сторонѣ улицы.

надъ дверью магазина, горѣлъ блѣлый электрическій круглый фонарь, почему-то мигалъ и его свѣтъ отражался на стѣнѣ въ комнатѣ у тети-Доры. Надя тихонько подошла къ двери. Она оказалась полуотворенной. Дѣвочка безшумно отворила ее еще шире и въ удивленіи остановилась на порогѣ: у окна стояла тетя-Дора, уже безъ очковъ, и въ сумеркахъ показалось Надѣ такую молодой, точно ей не было еще и двадцати лѣтъ. Надѣ вдругъ сильно, безумно захотѣлось, чтобы она оставалась такою и навсегда, и, не будучи въ силахъ сдержать себя, она бросилась къ тетѣ и стала умолять ее не надѣвать больше очковъ никогда. Тетя не ожидала ея появленія, быстро снова надѣла на себя очки и серьезно отвѣтила:

— Нѣтъ, нѣтъ, дитя мое... Не теперь... Когда-нибудь потомъ! Иди къ себѣ въ дѣтскую! Оставь меня одну!

Надѣ стало неловко, что она безпокоила тетю. Простившись съ нею еще разъ, она виновато отправилась къ себѣ въ дѣтскую.

Здѣсь уже горѣлъ огонь. Мама укладывала Ниночку спать и передъ сномъ расчесывала ей блѣлокурые волоски. Было какое-то поразительное сходство между ею и Надеей. У обѣихъ были одинаковые глаза, одинаковаго цвѣта мягкіе, блѣлокурые, льняные волосы и розовыя щечки. Обѣ были доврчивы и

и одинаково просты душой. И точно нарочно, какъ будто-бы для того, чтобы рѣзче подчеркнуть разницу въ характерахъ, судьба послала Лилѣ черные волосы и блѣдный цвѣтъ лица. Теперь Лиля сидѣла у стола и дочитывала книгу. Сейчасъ и ей прикажутъ ложиться спать. Она знала, что должна была-бы сдѣлать это сама сразу, безъ всякаго напоминанія со стороны, но какой-то странный духъ противорѣчія всегда овладѣвалъ ею и, сама того не желая и зная, что это нехорошо, она тѣмъ не менѣе не могла владѣть собою и возражала. Такъ и теперь: уложивъ Ниночку и Надю, мама подошла къ Лилѣ и стала расчесывать волосы и ей.

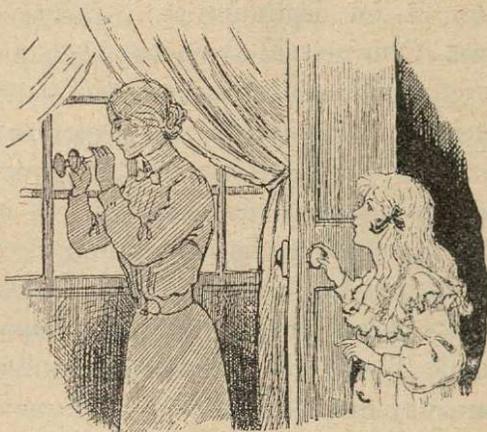
— Пора спать! сказала она.

Лиля хлопнула книжкой и сдѣлала недовольное лицо. И тотчасъ-же какой-то голосъ вдругъ заговорилъ въ ней, что это грубо, нехорошо, но сдѣланнаго уже нельзя было вернуть, какъ нельзя было уничтожить дырки послѣ вытасченнаго изъ доски гвоздя. Она тотчасъ-же сознала свой поступокъ, вытащила гвоздь, но мама глубоко вздохнула, въ ея сердцѣ остался слѣдъ отъ этого гвоздя, и, уже молча и серьезно, она продолжала расчесывать Лилѣ волосы и такъ-же молча вышла потомъ изъ дѣтской.

Надя и Ниночка вынырнули изъ-подъ одеялъ и стали между собою

перешептываться относительно достоинства тети. Надя рассказывала, какъ она застала ее только что безъ очковъ.

— Она такая хорошенькая, такая хорошенькая! говорила она.



У окна стояла тетя уже безъ очковъ.

И нахваливши досыта тетю, она обратилась къ старшей сестрѣ:

— Правда, Лиля, спросила она, — что тетя-Дора душка?

Лилѣ и самой хотѣлось поговорить о ней, похвалить ее, хотѣлось сказать, что и ей самой она стала уже нравиться, но ей было стыдно за свои прежніе поступки и слова, духъ противорѣчія снова овладѣлъ ея душой и она коротко отвѣтила:

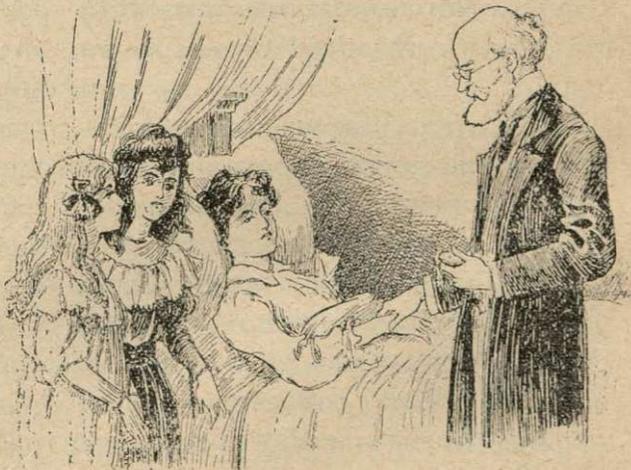
— Она не тетя-Дора, а тетя-дура!..

А затѣмъ ей самой-же стало стыдно этихъ словъ, она быстро укрывлась съ головой и стала плакать.

— Господи, шептала она, — зачѣмъ я такая злая? Помоги мнѣ исправиться и быть хорошей!

Поѣхали нанимать дачу. Утро было ясное, жаркое, даже душное. Варвара Михайловна и тетя-Дора одѣлись въ легкіе костюмы и отправились по Финляндской желѣзной дорогѣ, въ какую-то чухонскую деревушку, смотрѣть подходящее помѣщеніе. Пока онѣ сидѣли въ вагонѣ, стало хмуриться, а когда выѣздили изъ поѣзда и отправились на лошаdkѣ въ деревню, то пошелъ проливной дождь. Укрыться отъ него было негдѣ и бѣдныя дамы промокли до костей.

— Далекое еще? спрашивали онѣ съ ужасомъ своего длинноволосаго, бритаго старика-возницу, который сидѣлъ на облучкѣ и равнодушно покуривалъ вонючую трубку.



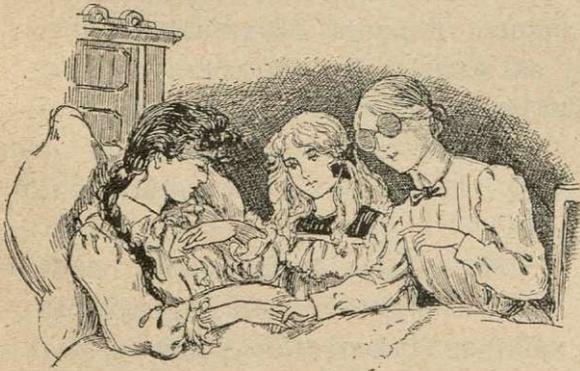
Пришлось позвать доктора.

— Талёка! Талёка! (Далекое!) отвѣчалъ онъ невозмутимо. — Ри-

надцать километръ (тринадцать верстъ) еще осталось!

— Боже мой, ужасалась Варвара Михайловна, — еще тринадцать верстъ!

И пока онѣ ѣхали, мокрыя, по жесткой дорогѣ, проходившей мимо жалкихъ кустарниковъ и моховыхъ болотъ, погода перемѣнилась, задулъ холодный вѣтеръ и, какъ это часто случается подѣ Петербургомъ, сразу, неожиданно, вернула осень. И когда полтора часа спустя, онѣ приѣхали наконецъ въ ту деревню, гдѣ сдавалась дача, то Варвара Михайловна дрожала какъ въ лихорадкѣ, а у тети-Доры сильно озябли ноги и плечи. Хотѣли выпить чаю, но самовара не оказалось. Чухонцы предложили паницамъ молока, но оно было холодное, только что принесенное со льда. Дача оказалась не подходящей, какимъ-то сарайчикомъ, въ



Больная брала ее за руку.

которомъ мудрено было-бы размѣститься всѣмъ, и бѣдныя дамы ни съ чѣмъ должны были возвра-

титься обратно. И все время, пока онѣ ѣхали назадъ, дождь не переставалъ ни на минуту, дулъ холодный, рѣзкій вѣтеръ и какъ-то не вѣрилось, что только утромъ было такая прекрасная погода.



— Вѣдь я поправилась уже совсѣмъ!

Только вечеромъ Варвара Михайловна и тетя - Дора возвратились домой. Какая-то странная усталость разлилась по тѣлу Варвары Михайловны. Теперь она уже не дрожала, какъ дорогой, а напротивъ — горѣла, какъ въ огнѣ, щеки ея пылали, въ вискахъ стучало, на рукахъ и ногахъ точно были навѣшаны пуды и, какъ была, не раздѣваясь, а только снявъ шляпку, она повалилась на постель.

— Что-то устала... сказала она.

Но для тети-Доры было ясно, что она простудилась, и чувство безпокойства наполнило ея душу.

— Вы-бы поѣли чего-нибудь... сказала она.

— Не могу... отвѣтила Варвара Михайловна.— Устала.

У тети—Доры самой были мокры ноги и стало ломить лѣвое плечо, но она не обратила на это вниманія и занялась Варварой Михайловной. Быстро, съ расторопностью молодой дѣвушки, она раздѣла ее, переодѣла, натерла всю укусомъ и водкой и уложила въ постель. Затѣмъ она переодѣлась сама, накормила и уложила встревоженныхъ дѣтей и на всю ночь осталась съ больной.

На слѣдующій день у больной былъ большой жаръ, она лежала неподвижно, и ничего не ѣла, а еще на слѣдующій—пришлось позвать доктора. Онъ осмотрѣлъ ее, измѣрилъ ей температуру и объявилъ, что у Варвары Михайловны—воспаленіе легкихъ.

Началось леченіе. Дѣвочки ходили, понутивъ головы, часто плакали, втихомолку совѣщались съ тетей. Тѣтя ихъ утѣшала, долгіе часы проводила съ больной и вся тяжесть хозяйства и ухода за дѣтьми свалилась на нее. Но она нисколько не смутилась этимъ, а радостно принялась за дѣло, ухаживала за больной, читала дѣтямъ сказки, училась съ ними, завѣдывала кухней, считала бѣлье и отдавала его въ стирку и, казалось, эта дѣятельность захватила ее и ей было пріятно, что она занята и можетъ принести пользу другимъ. И когда послѣ цѣлаго ряда

хлопотъ она приходила обратно къ больной, то та брала ее за руку, нѣжно глядѣла на нее и долго не выпускала ее руки изъ своей.

„Самъ Господь послалъ ее ко мнѣ“, думала она.

А тетя—Дора бѣгала по хозяйству, суетилась, повсюду поспѣвала сама и тоже думала:—„Какъ хорошо, что я пріѣхала сюда! Я могу здѣсь быть хоть немножко полезной! Къ тому-же здѣсь я все время не одна!..“

Дни проходили за днями, леченіе шло своимъ чередомъ и когда Варвара Михайловна поднялась, наконецъ, съ постели, то время приближалось уже къ июню и выѣзжать на дачу было-бы поздно, даже если-бы она и была нанята. Но дача нанята не была и вся семья силою обстоятельствъ принуждена была на все лѣто оставаться въ Петербургѣ.

— Какъ-нибудь проживемъ, говорила Варвара Михайловна.

А дѣти уныло бродили по комнатамъ, скучали и хныкали:

— Мамочка, намъ хочется на дачу! Намъ хочется побѣгать по травѣ!

Тетя - Дора была очень озабочена. Послѣ болѣзни Варвара Михайловна плохо поправлялась, была блѣдна, худа и все еще продолжала кашлять. Это очень разстраивало тетю и она рѣшила приложить все усилія къ тому, чтобы ее кухня выздоровѣла совсѣмъ.

Тайкомъ отъ нея, она ходила въ лавки, покупала на свои деньги ѣды и готовила обѣды такъ, что больная не могла замѣтить лишнихъ расходовъ. Когда-же, для подкрѣпленія силъ, докторъ приказалъ давать больной вина, то тетя-Дора приобрѣла на свои собственные средства отличнаго натурального вина и стала давать его больной. Этого уже нельзя было скрыть отъ Варвары Михайловны и на ея вопросы о появленіи вина тетя-Дора должна была уклончиво отвѣчать шутками и такими фразами, какъ слѣдующая:

— Я сберегла немножко денегъ отъ хозяйства и вотъ купила на нихъ вина!

— А оно дорогое?

— Нѣтъ, такъ себѣ! Дешевенькое! отвѣчала тетя-Дора.

Варварѣ Михайловнѣ было неловко, что для нея одной дѣлаются излишніе расходы, и она каждый разъ говорила:

— Вѣдь я поправилась уже со всѣмъ! Напрасно вы, кузина, беспокоитесь!

Но кузина точно не слышала ея словъ и съ каждымъ днемъ все дѣлала новыя и новыя „экономіи“ и наконецъ дѣло дошло до того, что дѣти перестали уже стѣсняться и не чувствовали себѣ отказа уже ни въ чемъ.

Варвара Михайловна замѣчала это и ей было больно, что такая бѣдная дѣвушка, какъ тетя-Дора,

ходившая въ такомъ платьѣ и въ такихъ башмакахъ, и вдругъ тратила послѣдніе свои гроши на то, чтобы сдѣлать что-нибудь пріятное и для нея, и для ея дѣтей.

— „Точно хочеть заплатить намъ за то“, думала она, „что у насъ живетъ. Но развѣ я не обязана ей всѣмъ? Что-бы я дѣлала, если-бы не она?“

А время все шло и шло и наконецъ наступили такіе дни, когда отъ раскаленныхъ построекъ и мостовыхъ въ городѣ нечѣмъ уже было дышать и когда всѣхъ властно и неудержимо потянуло въ деревню.

Но куда было ѣхать? Гдѣ можно было-бы отдохнуть? Если-бы папа былъ дома, то онъ быстро сообразилъ-бы все и зналъ, что предпринять, но онъ былъ далеко, въ южномъ городѣ, на окраинѣ, и въ свою очередь жаловался на жару и на тяжесть жизни безъ деревни. Въ своихъ письмахъ онъ беспокоился о своей женѣ, упрекалъ ее въ томъ, что она не выѣхала на дачу, опасался за здоровье дѣтей и умолялъ ее что-нибудь предпринять. Но она все не рѣшалась, боялась написать мужу о томъ, что у нея не хватаетъ средствъ, и, казалось, вопросу о дачѣ суждено было такъ и остаться въ томъ-же положеніи, въ какомъ онъ былъ и раньше.

Но онъ былъ рѣшенъ и его всѣхъ сразу рѣшила тетя-Дора.

Какъ-то утромъ она вошла къ Варварѣ Михайловнѣ и сказала:

— Собирайтесь! Ёдемъ!

— Куда? спросила ее та.

— На дачу, на югъ! У меня есть тамъ одна подруга, которая можетъ насъ приютить!

Дѣти запрыгали, завизжали, захопали отъ радости въ ладоши и принялись за укладываніе своихъ игрушекъ. Глядя на нихъ, засбиралась и Варвара Михайловна и скоро откуда-то съ чердака появились чемоданы и сунду-

ки и началась укладка въ нихъ вещей.

Тетя-Дора переходила отъ одного чемодана къ другому и давала дѣловые совѣты, что по ея мнѣнію, нужно было везти съ собой непременно, и что необходимо было оставить дома. Она не говорила, куда все поѣдутъ, но Варвара Михайловна вѣрила ей и во всемъ вполне положила на ея выборъ.

Дня черезъ два все было готово и оставалось только ѣхать въ вокзалъ.

Ф. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Чего нѣтъ въ Россіи, то есть въ Москвѣ, а чего нѣтъ въ Петербургѣ, то есть въ Невѣ.

Что я такое?

(Предложила Нина Трояновичъ-Піотровская).

II.

Пѣтухъ поднялъ одну ногу. Что съ нимъ сдѣлалось?

(Предложила Л. Васильева).

III.

Названія какихъ музыкальныхъ инструментовъ заключаются въ слѣдующихъ фразахъ:—

1) Когда мы вечеромъ возвращались съ бала,—лайка и пудель съ радостью бросились къ намъ навстрѣчу.

2) Рано утромъ бонна повела дѣтей въ лѣсъ собирать ландыши.

3) Скрипъ калитки далъ намъ понять, что приѣхали гости.

4) Наступило раннее утро и туманъ долинами потянулся къ востоку.

5) Ночью няня схватила со стѣны за ноги таракана и выбросила его за окошко.

6) Эта пушка была впервые отлита въ рыцарскомъ замкѣ XVI вѣка.

7) Новый владѣлецъ имѣнія сдѣлалъ изъ амбара баню и это ему вполне удалось.

8) Зарядилъ ружье молодой корнетъ, а пистонъ подъ курокъ насадить позабылъ. Ружье и дало осѣчку!

9) Вчерашній пожаръ фабрики

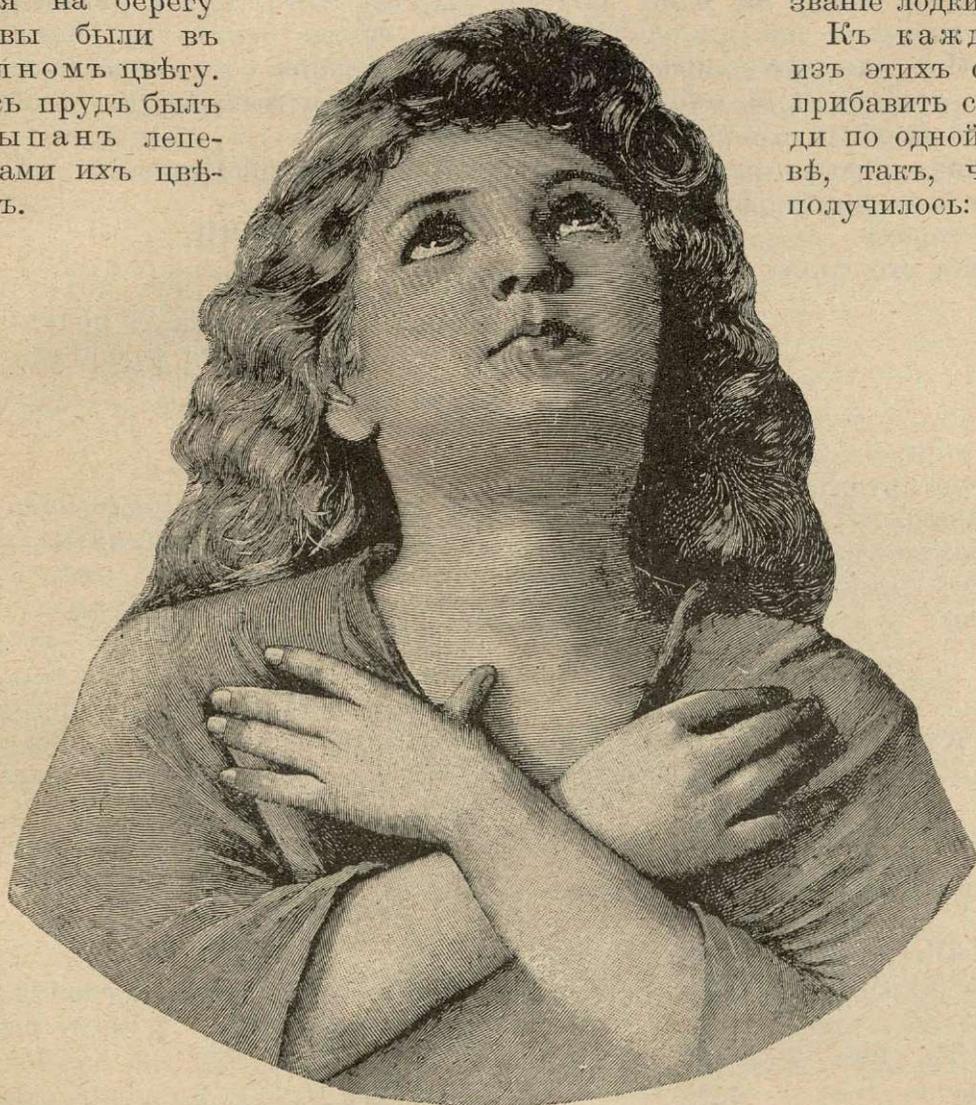
продолжается и сегодня. Въ нашемъ городѣ давно не было такого большого пожара.

10) Посаженныя на берегу сливы были въ полномъ цвѣту. Весь прудъ былъ усыпанъ лепестками ихъ цвѣтовъ.

- 3) То, что течетъ изъ вулкана.
- 4) Большого морского рака.
- 5) Торжественное стихотвореніе.

6) Древнее названіе лодки.

Къ каждому изъ этихъ словъ прибавить спереди по одной буквѣ, такъ, чтобы получилось:



Тихая молитва.

IV.

Задуманы шесть словъ, которыя означаютъ:

- 1) Кушанье изъ рыбы.
- 2) Нашего недоброжелателя.
- 1) Изъ перваго слова—названіе надоѣдливаго насѣкомаго.
- 2) Изъ втораго—углубленіе, промытое водою въ землѣ.
- 3) Изъ третьяго—то, къ чему стремятся многіе люди.

4) Изъ четвертаго—маленькое надоѣдливое насѣкомое которое больно кусаетъ.

5) Изъ пятаго—то, безъ чего не можетъ жить ни одно живое существо.

6) Изъ шестого — пышка изъ тѣста, сваренная въ маслѣ.

Если прочитатъ начальныя буквы этихъ новыхъ словъ, то получится названіе большого Европейскаго города.

Какія это слова и какой это городъ?

V.

Одного человѣка спросили, чѣмъ онъ занимается?

Онъ отвѣтилъ:—Если взять сотню некрасивыхъ лицъ, то получится та должность, которую я занимаю.

Чѣмъ этотъ человѣкъ занимается?

VI.

Почему многія барышни играютъ не на скрипкѣ, а на роялѣ?

VII.

Задуманы три слова, означающія:

1) То, что кладутъ на одну чашку вѣсовъ, когда вѣшаютъ товаръ.

2) То, изъ чего за обѣдомъ ѣдятъ.

3) То, что увидѣлъ Ной послѣ потопа.

Отъ каждаго изъ этихъ словъ взять по второй буквѣ. Всѣ онѣ гласныя. Къ первой спереди приставить букву л, ко второй — букву—б и къ третьей — букву в. Получатся три слога; изъ которыхъ

нужно составить названіе русскаго приморскаго города.

Какія это слова и какой это городъ?

Кромѣ того, изъ первыхъ словъ трехъ этихъ задуманныхъ словъ можно составить также и названіе музыкальнаго инструмента.

Какой это инструментъ?

VIII.

Если къ одной изъ нотъ представить часть полка, то получится названіе одинокаго человѣка.

Кто это?

IX.

Задумано слово. Его первую часть составляетъ загадка: „Маленькій, горбатенькій, все поле обскакалъ, домой прибѣжалъ, всю зиму пролежалъ“. Его вторую часть составляетъ тоже загадка:— „Что на насъ, а мы не видимъ?“ Въ концѣ задуманнаго слова—тоже, что и въ концѣ будущихъ вѣковъ.

Все вмѣстѣ — названіе города, расположеннаго на рѣкѣ Окѣ.

X.

Задуманное слово состоитъ изъ двѣнадцати буквъ: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12.

Буквы 10, 11, 3, 5, 12—означаютъ хлѣбное растеніе; 4, 10, 9, 10, 11, 1—домашнее жикотное, 2, 10, 7, 8, 10, 7, 12—большой городъ; 8, 3, 9, 3, 11, 10—растеніе; 8, 9, 10, 11, 1—то, что изъ этого растенія приготовляютъ, 11, 10, 5, 4, 12—то, изъ чего дѣлаютъ свѣчи, 11, 1, 4, 5, 6—то, что даетъ блескъ, 11,

10, 8, 10, 7, 10, 5, 12 — тотъ, кто носить воду; 11, 10, 9, 10, 7, 12 — хищную птицу; 2, 3, 8, 10, 4, 10, 2, 12 — судно, необходимое въ морѣ зимой; 4, 6, 5, 4, 1. — Головной уборъ.

Отгадать эти слова и задуманное слово, которое означаетъ название города, служившаго любимымъ мѣстопробываніемъ Іоанна Грознаго.

XI.

Если къ половинкѣ пилы прибавить цѣлый вѣкъ, то получится огнестрѣльное оружіе; а если къ части пирога прибавить то, что слышится при страданіи, то по-

лучится предметъ необходимый для заряжанія этого огнестрѣльнаго оружія.

Что это?

XII.

Около нашего берега существуютъ большія, незамѣтныя, о которыя разбиваются суда.

Прошелъ дождь, смочилъ листву деревьевъ и нашъ зеленый сталъ издавать бальзамической ароматы.

Найти слова, которыя не достаютъ въ этихъ фразыхъ на мѣстахъ точекъ, и составить изъ нихъ название русскаго южнаго города.

Рѣшеніе головоломокъ и ребуса № 10, помѣщенныхъ въ № 12 «Золотого Дѣтства».

Головоломки: I. Сли+вы=сливы. II. По спинѣ. III) и+Волга (иволга). Коли+бри (колибри). Чай+ка (чайка)... Оре+л (орелъ). Гра+чи (грачи)... Куку+шка (кукушка)... Гу+си (гуси)... Соръ+ока (сорочка). IV. 1. Дыра. 2. Когда ихъ шайка. 3. Когда его свяжутъ. V. Село. Вата. Стопа. Польша. Задуманное слово — Севастополь. VI. По русламъ. VII. Бахчи + сарай. = Бахчисарай. VIII. Кара + мель = Карамель.

Ребусъ № 10. Око + л + оса + д + ананасъ + бр + оси + лось пять (или много) собакъ = Около сада на насъ бросилось много (или пять) собакъ.

Вѣрныя рѣшенія прислали: Ангелина Луцкая изъ Ростова на Дону, Витя Семеновъ въ СПб., Сережа Тушканчикъ, Коля Донецъ изъ Ташкента, Галя Ротмистрова изъ Житомира, „Золотая

Дѣтка“, Нина Иванова, Надя Крылова, Сережа и Паля Лисенко изъ Елисаветполя, Костя Степановъ, Ося Поповъ, Миша Боярскій въ СПб., Вѣрочка Федорова, Петя Тополевъ, Лена и Вѣра Серебренниковы изъ Ташкента, Жена Стрелкова, Семень Критскій, Надя Федорова изъ Ростова на Дону, Коля Архангельскій, Шура Протопопова, Коля Ильинъ въ СПб., Надина Трубина, Борисъ Афанасьевъ, Янка и Стасюня Тодеско, Костя Рыловъ, Толя Строева, О. Воротилова, Тоня Иванова, Коля Зубовъ, Нина Пыхтѣева изъ Мензелинскаго уѣзда, Мариша Петряева, Миша Алексинскій, Сережа Фохтъ, Николай Петровъ, Нина Березина, Варя Стекольская, Ватикъ Поплавскій изъ Даръ-Надежды, Коля и Аркаша Тепловы, Надя Бовъ изъ м. Воронежа Черниг. губ., Оля Петрова, Иванъ Воронниковъ, Володя и Вася Смирновы изъ Варшавы, Витя Зубовъ, Наточка Бергъ, Нина Доманицкая, Сергѣй Басковъ, Оеда Кругловъ, Лея Васильева со ст. Пинскъ, Александръ Коровинъ, Тоня Топчинская, Митя и Котъ Троицкія изъ Краснокутска, Надя Викторова, Надя Истомина, Зоя Рейшахъ-Ритъ изъ Пензы, Николай Осиковскій изъ Летичева, Нина Вукина изъ Смоленска, Аркадій Лапинскій изъ Кіева, Володя Милицинъ изъ Куртамыша, Андрюша Федотовъ — донской казачокъ изъ Шукива, Зина Щапова, Жена Жданова, Витольдъ Румшевичъ, Надя, Митя и Валя Соколовы, Игорь Максимовъ изъ Удѣльной, Миша Кудрявцевъ изъ Оскуи, Миша, Коля и Маруся Побѣдимовы, Владиміръ, Евгений и Георгій Конрадъ въ СПб., Муся и Володя Визи въ СПб., А. Шелехова въ СПб., Женни Мартинсонъ Хаяси Памака въ СПб.

Ребусъ № 12.



(Фамилии подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ головоломки и ребусы, будутъ напечатаны).

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ



«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО» за истекшій годъ со всѣми приложеніями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3 р. 65 к. за экз.; безъ переплета—по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію. (Въ Европейской Россіи и на Кавказъ— по 45 копѣекъ за экземпляръ).

МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ ИЗЪ РЕДАКЦИИ „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

С.-Петербургъ, Каменноостровскій просп., 22.

Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ Петербурга.

Годъ изданія четвертый.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1911 годъ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ)

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарады и проч. и проч.

12 вырѣзныхъ выкроекъ для дѣтскихъ костюмовъ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ: книга «Въ тепломъ гнѣздышкѣ»—сборникъ рассказовъ для дѣтей съ рисунками.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровскій проспектъ, 22, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга и во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ Россійской Имперіи.

3 р. 80 к.

За перемѣну адреса—28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

